

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

БОРЕЦ И ЛУЧШИЙ ТРЕНЕР

Про Ашота Мелконовича я много слышал, но познакомился с ним семь лет назад, когда брал у него интервью. Несмотря на его величину, я почувствовал в нем простого в общении, уверенного в себе, прямолинейного человека. Я обратил внимание на его огромные руки, а почувствовал их силу, когда борцы собрались для совместной фотографии, и мне в кадре нужно было быть полусидя, чтобы не закрыть людей на заднем плане. Тогда Ашот Мелконович одним пальцем «пригвоздил» меня, и я подумал: «Вот где силища».

Корни Ашота Мелконовича Чубарова из села Крым Мясниковского района. Его дед Дзарук Чубарян был первым директором Крымской школы №5. Отец, Мелкон Дзарукович, был человеком грамотным, с детства приученным к труду. Мать — Шохагат Крикоровна — дочь священника, кроткая женщина, умела шить, вышивать, готовить, читать, писать, управлялась с детьми, которых у нее было пятеро. У Чубаровых было хозяйство и тягловая сила — четыре лошади. Как-то в селе на постояе остановился цирк шапито, и руководитель цирка, увидев коня во дворе Мелкона Чубарова, предложил продать его, на что тот ответил отказом. Но уж очень приглянулся циркачам этот конь, и они уговорили все же Мелкона Дзаруковича продать его. В итоге была совершена сделка, и единственный свидетель — человек, который работал у Мелкона, написал на него донос, что тот торгует лошадьми. Имущество Чубаровых конфисковали, а его как кулака репрессировали и сослали с семьей в село Дербентовка Ставропольского края, где 26 мая 1941 года родился сын Ашот — шестой ребенок в их семье. Мелкон Чубаров был мастеровитым, и вскоре на новом месте обзавелся хозяйством и даже успел скопить на маленький домик в Ростове. Но началась война, и Мелкона Дзаруковича призвали на фронт. Сталась Шохагат Крикоровна с четырьмя мальчишками (девочки умерли от голода). Муж в своем письме с фронта писал: «Шохагат, береги детей, все продай, но их спаси. Я приеду, все восстановим». Но не суждено было ему вернуться, в 1945 году погиб в Прибалтике. В этом же году они переехали в Ростов в маленький дом, купленный отцом до войны. «Я верил и ждал, что отец вернется. Помню, шли солдаты со стороны вокзала, а я бежал им навстречу, целовал их в надежде отыскать отца, но его не было среди них. И я так долго шел за ними, что заблудился и только по вышитой на моей рубашке фамилии «Чубаров» определили, из какого я дома».

1946 год для нас был очень трудным, нам нечего было есть, и тогда меня, самого маленького из братьев, сестра отца Астхик, посоветовавшись с моей матерью, решила взять к себе в Армению в город Спитак. Перед отъездом я пообещал братьям привезти крупную рыбу. Вначале я ходил в детский сад, а затем в русскую школу для детей военнослужащих, но мне там не понравилось, и через пару месяцев меня перевели в армянскую школу, где и проучился до третьего класса. К этому времени жизнь в родном Ростове наладилась, и я вернулся домой, но без рыбы. Я же не знал, что в Спитаке ее нет. Жили мы в Нахичевани в маленькой комнатухе. И в один из дней мама, чтобы приучить меня понемногу к русскому языку, а мне это было необходимо, так как город говорил на русском языке, сказала: «Сынок, сходи за хлебом» и объяснила, как пройти до пекарни, и что она находится рядом с гастрономом. Ну, думаю: «Если разделить слово «гастроном» на две части «нас — нац» — это хлеб допустим, а что означает «троном»? Вот с таким знанием русского языка я приехал в Ростов и поэтому вместо четвертого класса по возрасту пошел во второй класс школы №12. Своим нынешним знанием русского языка я обязан первой учительнице Ксении Петровне, она заставляла меня читать именно газеты.

Еще в школе я увлекся борьбой. Занимался у Эдуарда Лукьяновича Баева, и мне это нравилось, но параллельно я ходил и на гимнастику. Когда жил в Спитаке, мне сказали, что самое хорошее лекарство — это физкультура. И почему-то это я хорошо запомнил. И уже в Ростове, в школе, когда мы играли в баскетбол, ко мне подошел тренер и спросил: «Армянин?» — «Да» — «Фамилия?» — «Чубаров», мне тогда было 15

лет. Не знаю, почему он обратил на меня внимание».

По окончании Ашотом 7-го класса мама его была уже старенькая, и юноша решил: «Школу окончить можно и вечером. Пойду-ка, я работать». И пришел на завод «Красный Аксай». Будучи способным и старательным и понимая, что на нем лежит ответственность за семью, юноша быстро освоил профессию токаря. И вот он, комсомолец Чубаров, стоит у станка и дает в смену 1,5 нормы. Конечно, нелегко приходилось Ашоту работать в три смены, плюс вечерняя школа, но даже в этой ситуации спорт он не оставил. Спортивный зал при заводе был 6 на 6. Над головой висели гири, брусья, а чтобы искупаться после тренировки, надо было топить печь. «Иногда я рассказываю ребятам об этом. А нам так хотелось выбраться из этой жизни, — говорит Ашот Мелконович — Моей первой победе столько лет, сколько голубым елям в скверике на Театральной площади. Мы возвращались с областных соревнований, где каждый из нас выложился на полную, было чувство удовлетворения и радости, и, проходя через скверик, я заметил только что высаженные голубые ели: «Ребята, это в нашу честь», — сказал я, и мы все улыбнулись».

Выступали мы за общество «Труд» и всегда выигрывали на областных турнирах. Наш тренер, Лукьянович, умел настраивать команду на победу. В основном он приводил в пример своих братьев, которые прославили нас, армян, во время войны. Наверное, это и правильно, что человек должен прославлять свой народ. И я последовал его примеру, я горжусь, что я армянин. Хотя друзья у меня не только армяне, но и русские, му-

А.М. Чубаров в молодости

сульмане, евреи — это и здорово, так как у нас единый Бог — Борьба, и единими для нас являются его желания и правила. Будучи внуком священника, я всегда с уважением относился к другим религиям и нациям. Вот такой я.

На тренировках я впитывал все и старался не упускать ни одного слова тренера, чтобы постичь суть борьбы. Было удивительно, но иногда тренер хвалил и когда мы проигрывали, при этом ставил: «Ты не проиграл, просто сопер-

ник был сильнее. Ты пропусти этот прием через себя, тактические, технические моменты, и тогда все будет, как надо».

Свою будущую спутницу жизни — Соню — я встретил на свадьбе двоюродного брата. Я как увидел ее, у меня сразу все екнуло, мне было 12–13 лет, а ей лет 9. Так она запала мне в душу. Оказалось, что в Рабочем городке, куда я приезжал к дяде, она жила, напротив, через дорогу. Так я с ней начал общаться, все за косы ей дергал, мальчишкой же был, старался, чтобы обратила на меня внимание.

А.М. Чубаров (слева) наблюдает за броском Вартереса Самургашева. Кубок России. 2001 г.

Ну а ей, наверное, нравилось мое внимание. Но когда ее мама видела, что я дергаю Соню за косы, меня ругала, а дядя мой ей говорил: «Что ты кричишь? Вот увидишь, он еще твоим зятем станет». Так и случилось. И вот, настало время моей весны. Дядя, обративший внимание на мою мальчишечью любовь, как-то сказал мне: «Ну, долго будет так? Пригласи ее куда-нибудь». А я уже на заводе работал, и деньги у меня водились. Намек дяди я принял к сведению, и при следующей встрече пригласил ее прогуляться. Так началась наша любовь. Она за мной была, как за каменной стеной. Даже пару раз я защищал кулаками ее репутацию. Если меня обидят, я могу стерпеть, но если заденут родного мне человека, то все.

Зарегистрировались мы в 1963 году, а в 1964 году получили квартиру и съездили в отпуск. В 1965 году родилась дочь Ольга, а в 1970 году сын Мирон. Конечно, все эти даты были наполнены для моей семьи счастьем и радостью. А в спорте самым счастливым моментом было, когда меня допустили к соревнованиям на приз Поддубного, а я же невыездной был. На том турнире я одержал победу над будущим призером Олимпийских игр, чемпионом мира. Но на следующий день, придя на соревнования, я обнаружил неприятный сюрприз: оказалось, меня выкинули из турнирной таблицы, потому что якобы я опоздал, хотя я пришел вовремя и даже успел пройти взвешивание. Но причина была в другом — я был сыном репрессированного.

После того, как победил на первенстве ВЦСПС и должен был поехать в составе сборной СССР в Будапешт, по той же причине меня не взяли в сборную Союза, а вместо меня поехал москвич, который стал там призером, а я неоднократно его спокойно выигрывал. Конечно, было безмерно обидно, но я ничего не мог сделать. Учитывая, что я невыездной борец, многие ребята подходили и просили: «Ашот, отдай схватку, тебе все равно ничего не светит», и что греха таить, я иногда специально им проигрывал, а эти ребята становились на крупных турнирах призерами. Однажды меня взяли на сборы сборной команды СССР, которые проходили в Армении в Цахкадзоре, тогда тренером был Игуменов. Но опять оказалось, что я сын репресси-

рованного, поэтому дальше дело не пошло. Тренер хотел изменить отношение бюрократов ко мне как к перспективному борцу, но нужно было разрешение партийных органов на выезд за границу. Я выигрывал соревнования ВЦСПС, ЦС «Труд», выполнил норматив мастера спорта СССР. Мне было 23 года, я думал, пусть только дадут разрешение, я покажу, как умею бороться, но «погоды» не позволили выезду. Для меня это был замкнутый круг. И тогда меня пронзила мысль: «Если не я, то мои ученики обязательно поедут за границу, где будут подниматься на пьедестал почета». И слово, данное себе, я сдержал. В 1960 году я поступил в Московский институт физкультуры, и, окончив его в 1965 году, стал работать инструктором по физкультуре в Научном исследовательском институте технологии и машиностроения (НИИТМ), а когда стали открываться детские спортивные школы и появились вакансии, перешел работать тренером в общество «Труд» на ГПЗ, где стал показывать результаты, у меня уже были призеры Союза. А в 1971 году перешел

в детскую спортивную школу общества «Спартак». И так сложилась судьба, что я выставил свою команду и обыграл команду своего тренера Баева. Это была моя первая профессиональная победа. После турнира тренер меня поздравил с победой, видно было, что он доволен».

На одном из турниров на приз Поддубного победу своей команды молодой тренер Чубаров выразил тут же на ковре головокружительным кульбитом. Его можно было понять, так как эта победа во многом определила успех коллектива в общекомандной борьбе.

«А через два года я пришел в училище Олимпийского резерва, где проработал 35 лет. И результаты всегда соответствовали требованиям, которые я сам себе ставил как тренер. И своим коллегам говорю: «Нам нужен чемпион, неважно, какой будет фамилия тренера», — говорит Ашот Мелконович — А в Будапешт я все-таки поехал, но в качестве туриста, это было после распада Советского Союза, когда рухнул «железный занавес».

Я по сей день делюсь с учениками тем багажом знаний, которые получал на семинарах чемпиона мира Сташкевича. Я у него спрашивал: «Вот ты делишься секретами своего мастерства, а это не повлияет на твои результаты? Ведь другие борцы позаимствуют и будут ими пользоваться». А он говорил: «Да, это мой прием. Это я, Сташкевич, делаю. Мои ж три брата не повторяют его. Вот пять пальцев, например, они все гнутся и выпрямляются, но они все разные. Так и борцы. Никогда не бойся делиться своим секретом. Если прием пропустить через мозги, мышцы сработают, как надо». И я всегда придерживался его советов.

Чтобы поднять бойцовский дух своих подопечных, чтобы они прикоснулись к живой легенде борьбы, по возвращении Арама Васильевича Ялтыряна на родину я пригласил его на тренировку. И вот Арам «железный» в свои 75 лет выходит на ковер и становится в партер, звучит свисток, и через доли секунды соперник, который был до того момента на его спине, оказался под ним. И этот прием он повторил несколько раз, что было сделано быстро и технично. Я помню, у всех моих коллег глаза на лоб полезли. С того времени мы тоже стали делать акцент на технику.